

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 2

15 ЯНВАРЯ

1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Купринъ. „Словъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: *Т. Гитиусъ*, *В. Замирайло*, *А. Линдеманъ*, *А. Мурашко*, *М. Сабашниковой*, *П. Соловьевой*, (*Allegro*) и *Е. Чичаговой*. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

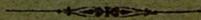
П. Соловьевой (*Allegro*). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гитиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

В. П. Поливанова. Разсказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатоль Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной*. Съ иллюстраціями *Allegro*. Цѣна **25** коп.

Allegro. Открытки въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчицамъ «Тропинки» за **25** к.

Складъ изданій въ книжномъ складѣ *М. В. Пирожкова*. Спб., Васильевскій Островъ, Большой проспектъ, 6.

1908 годъ.

Январь № 2.

Содержание

1. Въ ересьномъ царствѣ — стхотвореніе О. Бякова

Слов.

2. Въ буренъ — разсказъ М. Кондратьева

3. Письма С. Пудкина — М. Шибирякова

ЖУРНАЛЪ

АЖИНА.

4. Для земныхъ вѣщателей — разсказъ Л. Калашникова

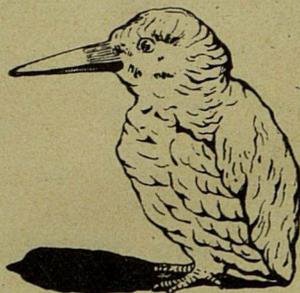
5. Рамонъ вѣтеръ — повѣствованіе въ 1-мъ №

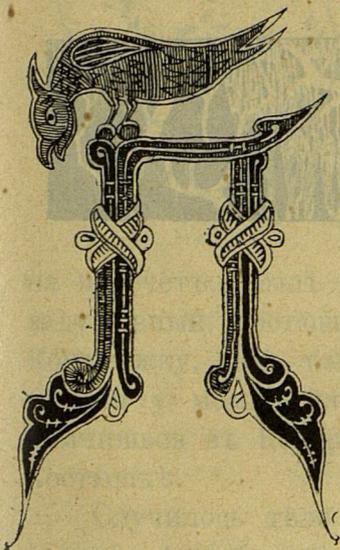
6. Поездка въ Финляндію

Содержаніе.

1. Въ серебряномъ царствѣ—стихотвореніе *О. Бялевской*.
2. Въ бурянь—разсказъ *И. Кондуружкина*.
3. Домикъ *А. С. Пушкина*—*Е. Шведера*. Рисунокъ съ натуры домика Пушкина.
4. Тамъ, гдѣ золото — разсказъ *А. Вережникова*. (Продолженіе).
5. Какъ человекъ побѣдилъ темноту.—*Д. Коренева*.
6. Для зимнихъ вечеровъ. Вечеръ третій. 1. Какъ выйти сухимъ изъ воды. 2. Воздушный шаръ вмѣсто собачки. (Съ французскаго).
7. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 1-мъ №
8. Пословицы Алтайскихъ татаръ.

Въ серебряномъ царствѣ.

Наташѣ Левиной.

О серебрянымъ луннымъ дорожкамъ—
Въ царство лунныхъ серебряныхъ грезъ...
Посмотри: по замерзшимъ окошкамъ
Набросаль намъ узоры Морозъ
Кистью снѣжной. Вонъ ивы и ели,
Сосны съ гордой, вѣнчанной главой;
Межъ стволовъ, надъ тропинкой—качели
Серебристою зыбкой петлей.
Тамъ—какія-то странныя птицы,
И невиданной формы цвѣты;

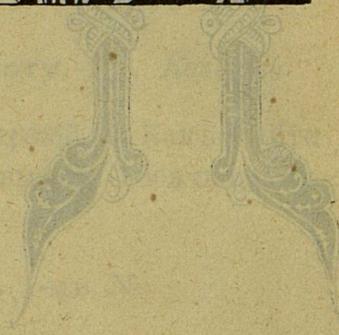
Къ теремамъ съ островерхой свѣтлицей
Черезъ хрустальную рѣку—мосты.

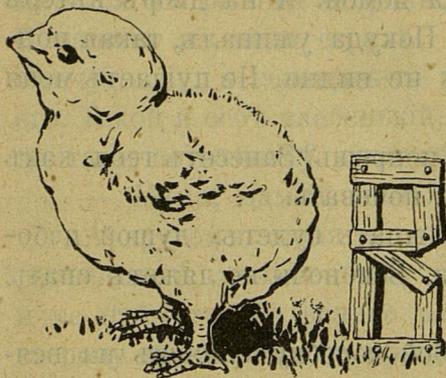
Если будешь ты умницей, крошка,
Я средь ночи тебя разбужу,
По серебряной лунной дорожкѣ
Къ теремамъ островерхимъ свожу.

По мостамъ надъ хрустальной рѣкою
Въ лунномъ свѣтѣ съ тобой мы пройдемъ,
Подъ серебряно-иглой сосною

На серебряномъ пнѣ отдохнемъ;
На качеляхъ въ серебряной сѣни
Буду тихо тебя я качать,
Рой серебряно-крылыхъ видѣній
На рѣсницы твои навѣвать.

О. Бялевская.

Въ бурань.

Въ двухъ верстахъ отъ нашего села притулилась въ оврагъ маленькая деревушка Кочерыжка, такъ дворовъ въ 50. Еще мальчуганомъ зналъ я эту деревню, какъ свое село. Каждый домъ на перечетъ. Былъ у меня въ Кочерыжкѣ товарищъ, другъ задушевный, Костюшка. То и дѣло, бывало, стрѣлялъ я въ Кочерыжку, какъ только выберется свободный денекъ. Отпросишься у мамы, или у тяти, когда онъ дома, и духомъ домчишься въ Кочерыжку. И лѣтомъ, и зимой бѣгалъ я къ Костюшкѣ.

Случилось дѣло подь Рождество; восьмой день бурань и бурань. А мнѣ ужъ такъ-то ли хочется повидать Костюшку! Въ самый сочельникъ притихла буря.

Разведрилась погода, хоть куда: и тепло, и свѣтло, и чуть-чуть морозецъ прихватываетъ. Я присталъ къ мамѣ—пусти да пусти.

— Иди,—говорить,—только, смотри, ночевать домой приходи, ждть буду.

Я живцомъ собрался: наvertѣлъ онучки, лаптишки надѣлъ, подпоясалъ армячишко веревкой и дубинку взялъ—дорогой мерзлые котяхи сбивать. Прибѣжалъ въ Кочерыжку, и закатились мы съ Костюшкой въ бабки играть. У нихъ на

дворѣ ледь. Такъ-то ли хорошо на льду бабки бить! И не замѣтили, какъ вечерѣтъ начало. Накормила меня Костюшкина мать ужиномъ. Тороплюсь я домой. А на дворѣ вѣтеръ ужъ опять разгуливаться сталъ. Покуда ужиналъ, такая поднялась завируха—пяти пальцевъ не видно. Не пускаетъ меня Костюшка.

— Куда,—говорить,—чортъ, попрешь? Занесетъ тебя, какъ дохлую крысу. Оставайся у насъ ночевать.

А мнѣ какъ остаться? Мама ждать будетъ, душой изболится, подумаетъ еще—замерзѣ я. Всю ночь не ляжетъ спать.

— Нѣтъ,—говорю,—пойду.

И пошелъ. Захватилъ съ собой коробку спичекъ на всякій случай: и отъ волковъ, и дорогу освѣтить. Покуда шелъ деревней, не страшно. А какъ вышелъ за гумны, тутъ у меня сердце и защемило. Назадъ оглянулся—деревня словно въ яму провалилась—одна чернота. Впередъ гляну, а оттуда, какъ изъ бездонной печи, чернымъ полымемъ бьетъ. И бьетъ, и крутитъ, и вертитъ. И не разберешь откуда. Въ ухахъ гудитъ, реветъ, оретъ и въ глаза хлещетъ. Того и гляди—съ ногъ скovyрнетъ. Снѣгъ сверху, какъ изъ мѣшка. Заробѣлъ я. Думаю, назадъ вернуться—стыдно, а впередъ боязно. Только вспомню про маму, какъ она меня ждетъ, и посвѣтлѣетъ у меня на сердцѣ. И буранъ словно утихнетъ, и вѣтеръ ослабнетъ. Иду, а самъ усмѣхаюсь. Только вотъ, слышу я, что нога тонуть въ снѣгу начала. Постукалъ дубинкой—нѣтъ дороги. Я вправо—снѣгъ, влево—и того больше. Взяло меня сомнѣніе, остановился. Присѣлъ, армячишко развернулъ отъ вѣтра и сразу цѣлый десятокъ спичекъ запалилъ. Пыхнули спички, полыхнулъ свѣтъ, сдунулъ тьму сажени на двѣ. А впереди предо мной на-крестъ: направо и налево дорога идетъ. Возрадовался я, ступилъ на дорогу и побѣжалъ. Бѣгу, бѣгу,—оста-

новлюсь, ногами, руками дорогу щупаю—вѣрно ли иду. Не пробѣжалъ и съ полверсты, слышу—опять сбился. Метался, метался въ разныя стороны, и спички сжегъ—нѣтъ дороги. И напалъ на меня страхъ, да такой, что кричать началъ. Кричу, зову, а голосокъ-то мой, какъ пыль: взлетитъ—и нѣтъ его. Такой я себѣ слабенькій, да беззаступный показался. Стою, да такъ потихоньку попискиваю:

— Мама, мамка, мама...

А кругомъ меня и реветъ, и воетъ, и свиститъ. Одинъ разъединный, малюсенькій, какъ червякъ. Занесетъ снѣгомъ—и не найдутъ. Не велико разстоянье—двѣ версты, а уйди въ сторону межъ селъ, и пропасть на-вовсѣ. Что дѣлать? Всталъ я на карачки и поползъ, а самъ руками снѣгъ щупаю, думаю, хоть такъ дорогу найти. Ползу, ползу, а самъ все маму вспоминаю. Зябнуть мои ручки; пальчишки крючкомъ сводить, армячишко сзади на голову накидываетъ, а я ползу. Лаптишки снѣгомъ набились, и ноги начали коченѣть. Ползъ, ползъ, и вдругъ, словно оборвалась земля подо мной, и полетѣлъ я внизъ головой куда-то. Долго-ли, коротко-ли летѣлъ, бухнулъ подъ яръ и ушелъ внизъ головой въ снѣгъ по поясъ. Покуда вылѣзалъ, согрѣлся. Весь въ снѣгу, а самъ радуюсь: узналъ я оврагъ-то этотъ. Онъ, какъ разъ, подъ наше село подходилъ. Пойду, думаю, теперь прямо по оврагу, не собьюсь. Пошелъ. Въ оврагѣ свѣжаго снѣгу по колѣна, а у меня штанишки рваныя, лаптишки протертыя. Иду, иду, изъ силъ выбьюсь, лягу на снѣгъ и духъ перевожу. А вокругъ меня все также воетъ, и свищетъ, и снѣгомъ кидаетъ. Шелъ, шелъ, и бросили меня силы. Упалъ я на снѣгъ и сталъ плакать. Лежу и плачу, а вѣтеръ словно стихаетъ. И слышу я—будто уже это не вѣтеръ шумитъ надо мной, а голосъ говорить, да тихій, ласковый такой:

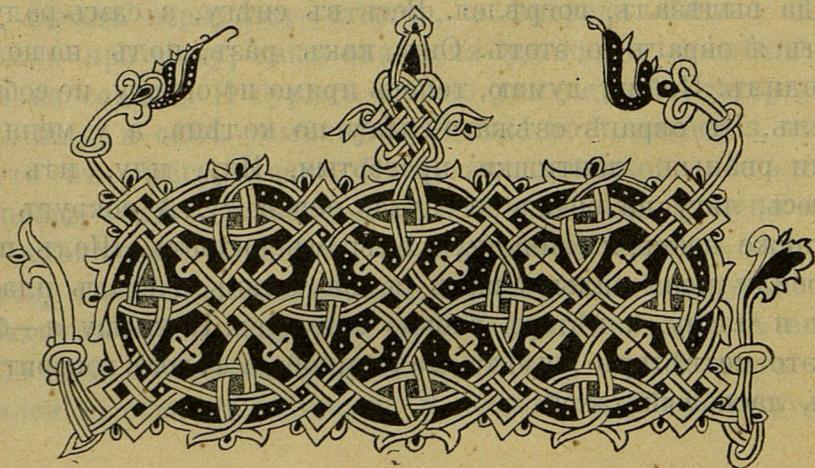
— Вася, Васютка!—словно мама зоветъ...
Вскочилъ я, куда и усталъ дѣлась. Опять побѣжалъ. Бѣгу,
а самъ кричу:

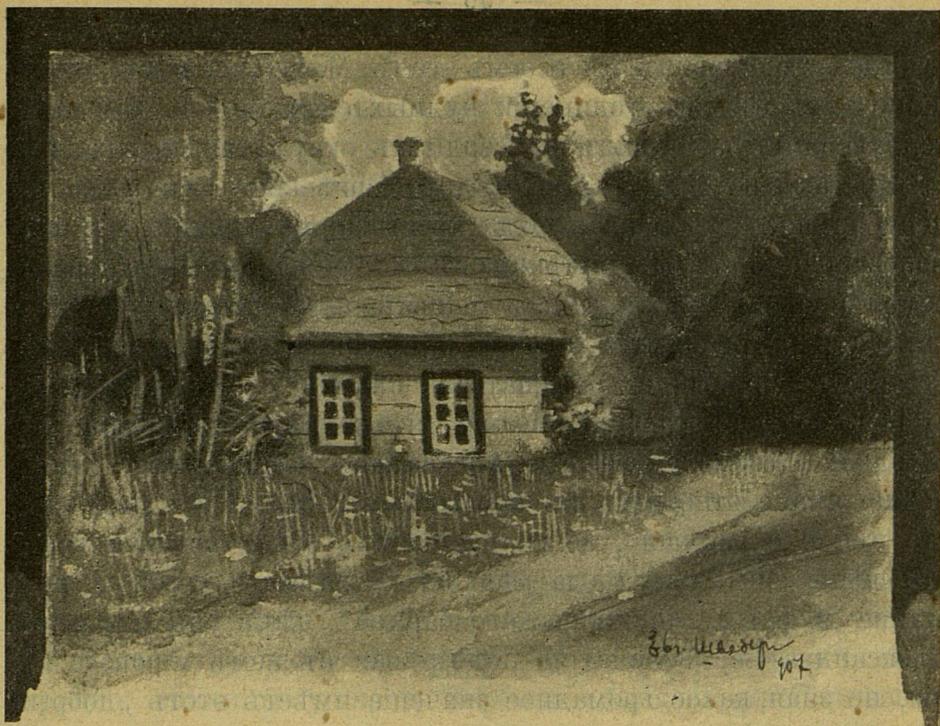
— Мама, мамка, иду-у!

Пробѣжалъ я такъ сажень со-сто, выдернулись у меня
ноги изъ снѣга и упалъ я прямо на дорогу, что входила въ
оврагъ подъ самымъ нашимъ селомъ. Вотъ тутъ-то у меня
сердце и разыграло. Какъ припустился я по дорогѣ этой, ноги
чуть не на спину закидываю. Забѣжалъ въ село, а сердце у
меня, какъ масломъ обливается: каждой избушкѣ, каждой со-
баченкѣ радъ. Вотъ и наша хата. На крыльцѣ мама стоитъ
въ шубейкѣ. Бросился я къ ней, а самъ слова не выговорю.
Цѣлуемся, милуемся, словно годы не видались. Возшли въ
избу, мама и говорить:

— Ахъ, ты, пострѣлъ ты этакій. Напугалъ ты меня до
смертыньки. Ужъ я всѣхъ угодниковъ перебрала, все за тебя
молилась. Знаю, ты сорви-голова: не утерпишь, прибѣжишь
домой, и страшно мнѣ. Сиж у окошка, да и слышу—кто-то
словно кличетъ меня, я и вышла посмотреть. Анъ, ты и тутъ.
Вотъ и слава-те, Господи!

И. Кондурушкинъ.

Домикъ А. С. Пушкина съ натуры Е. Шведера.

Домикъ А. С. Пушкина.

В селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи, въ пяти верстахъ отъ Свято - Горскаго монастыря, въ густой чащѣ привольно разросшейся сирени, пріютился маленькій деревянный домикъ. Не отличается домикъ ни своею внѣшностью, ни красотою архитектуры, но тѣмъ не менѣе онъ свято оберегается: скромный домикъ—одинъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ современниковъ великаго поэта—Александра Сергѣевича Пушкина. Нѣсколько лѣтъ прожилъ Але-

Александръ Сергѣевичъ въ своемъ селѣ Михайловскомъ, много написалъ здѣсь въ уединеніи чудныхъ стиховъ и глубокую теплую память оставилъ въ сердцахъ окружавшихъ его простыхъ людей. Жилъ Александръ Сергѣевичъ въ тяжелую пору крѣпостного права, когда крестьяне находились въ полной зависимости отъ помѣщиковъ, когда цѣлыя крестьянскія семьи продавались за деньги однимъ помѣщикомъ другому, какъ теперь продаются лошади или овцы и когда съ крестьянами привыкли обращаться властно и повелительно, строго соблюдая различіе между „господами“ и „мужиками“ и, однако, несмотря на это, Александръ Сергѣевичъ совершенно иначе относился къ крестьянамъ: относился онъ просто, тепло и радушно, не гнушался ихъ обществомъ, а такое отношеніе считалось тогда рѣдкостью. За то и любили крестьяне добраго, „михайловскаго барина“, какъ они называли Александра Сергѣевича, не подозрѣвая въ немъ мірового гения, не зная, какое громадное значеніе имѣетъ этотъ „добрый михайловскій баринъ“ для каждаго образованнаго человѣка.

Вотъ недалеко отъ Михайловскаго, въ деревнѣ Богомолахъ, живетъ древній предревній старикъ Иванъ Павловъ. Не смотря на свои лѣта, онъ хорошо помнитъ Александра Сергѣевича.

— Добрый былъ онъ баринъ,—разсказываетъ старикъ,—такихъ господъ помяни Господи, всѣ къ нему шли и никогда ни въ чемъ онъ не отказывалъ, всѣ его знали и всѣ любили. Самъ онъ крестьянъ не гнушался, любилъ простой народъ, пѣсни наши крестьянскія,—да сказки любилъ слушать. Бывало, ходитъ на ярмарки, гдѣ народу больше собирается, одѣтый и самъ почти что по крестьянски, прислушивается къ разговорамъ, угощаетъ дѣвушекъ гостинцами. А то въ иную пору лѣтомъ, принесутъ ему ребятишки землянику прода-

вать—заплатить онъ деньги, да и ягоды имъ обратно отдаетъ. Кушайте, говоритъ, дѣти, сами, деньги, все равно, вѣдь, заплочены.“

Съ господами, съ другими помѣщиками, онъ не водился, ни на охоты не ѣздилъ, ни такъ особой компаніи не водилъ, а съ крестьянами постоянно велъ бесѣды и знали за то они его здѣсь всѣ, отъ мала до велика—знали, любили и почитали.—

Тутъ же, тоже недалеко отъ Михайловскаго, въ Вороникахъ живетъ и другая современница Пушкина—старушка Акулина Ларіоновна,—дочь священника. Помнить и она хорошо Александра Сергѣевича, не разъ встрѣчалась и разговаривала съ нимъ и много теплой любви слышится въ ея воспоминаніяхъ.

— Часто,—вспоминаетъ она,—пріѣзжалъ къ намъ Александръ Сергѣевичъ, любилъ онъ очень папеньку и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ. А добрый былъ такой, что и сказать трудно: землицы у насъ не было—Александръ Сергѣевичъ взялъ однажды и подарилъ папенькѣ семь десятинъ, тутъ же самъ и бумагу дарственную написалъ. По грибы я часто въ михайловскій паркъ ходила, много бѣлыхъ грибовъ тамъ росло. Встанешь раненько утромъ и пойдешь съ дѣвухой—смотришь, а Александръ Сергѣевичъ уже всталъ. „Кто, спрашиваетъ это здѣсь?“—узнаетъ меня, улыбается: „а это ты, говоритъ, поповна, ну давай я помогу собирать грибы“. И начнетъ ходить, палкой указывать и меня звать. Насобираешь полную корзину и предложишь, бывало, Александру Сергѣевичу отобрать для себя, а онъ смѣется: „Васъ, говоритъ, сколько собираешь?“ „да двое только“—отвѣчаю я. „Ну а у меня ихъ двадцать“ и пойдетъ опять ходить по парку.

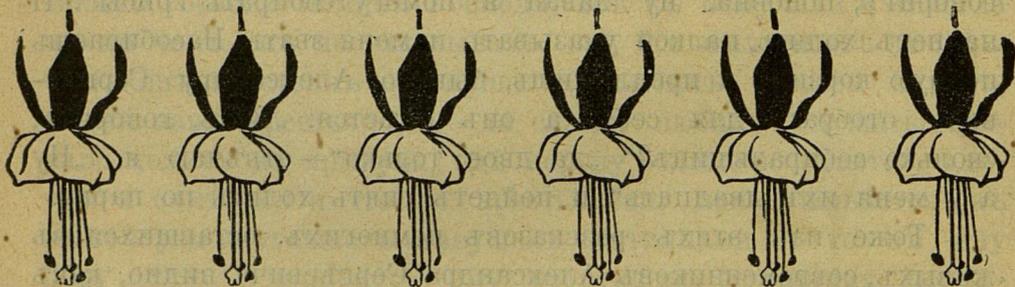
Тогда же изъ этихъ разсказовъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, современниковъ Александра Сергѣевича видно, какъ

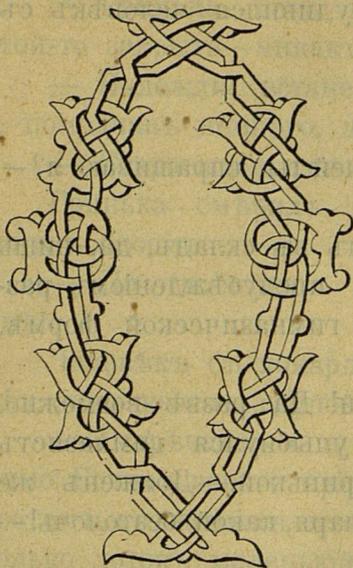
просто и задушевно относился, вопреки условіямъ того времени, великій поэтъ къ простымъ людямъ и какой „неруководный памятникъ“ сумѣлъ воздвигнуть онъ въ ихъ сердцахъ.

Пушкинъ любилъ народъ, любилъ природу и эта любовь отразилась во многихъ его стихахъ. Въ долгіе зимніе вечера, когда за окномъ бушевала разгулявшаяся метель, подсаживался Александръ Сергѣевичъ къ жившей съ нимъ вынянчившей его старушкѣ, нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ и слушалъ ея сказки, запоминалъ ихъ, перелагая впослѣдствіи въ стихи. Такъ написаны были сказки „О царѣ Салтанѣ“ о „Мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“ о „Рыбакѣ и рыбкѣ“ и друг. Много строфъ посвящено поэтомъ Михайловскому, сосѣдному съ нимъ Тригорскому и родной сѣверной природѣ...

Давно умеръ Александръ Сергѣевичъ—сочиненія его разошлись по всему свѣту, ихъ читаютъ, заучиваютъ наизусть, восхищаются ими. Бережно сохраняются принадлежащія поэту книги, рукописи и другія вещи, и свято оберегается маленькій домикъ въ селѣ Михайловскомъ. Дорогъ онъ каждому изъ насъ, дорогъ потому, что помнятъ его стѣны пребываніе великаго поэта, великаго человѣка Александра Сергѣевича Пушкина.

Евгеній Шведеръ.

Тамъ, гдѣ золото.

(Продолженіе).

ДНАЖДЫ мать послала Гриньку на стань, въ матерьяльный складъ за крупой. Дѣло было утромъ. Онъ пришелъ рано, складъ еще не былъ открытъ, и, усѣвшись на крылечко, сталъ ждать.

Было немного вѣтренно. Около крыльца кружилась, то поднимаясь, то опускаясь на землю, какая то „газетина“. Гринька подобралъ ее и сталъ разсматривать. Она ему напомнила курильщика, его цыгарки и свое ученье. Онъ остановился глазами на крупномъ шрифтѣ, сморщилъ лобъ, долго еще пыхтѣлъ губами, выворачивалъ языкъ до самаго горла и, наконецъ, прочиталъ: ма-ши-на ды-ля ты-кань-я.

Онъ такъ увлекся чтеніемъ, что не замѣтилъ, какъ кто то подошелъ къ нему.

— Читаешь, говоришь?—раздалось надъ самымъ его ухомъ.

Гринька вздрогнулъ отъ неожиданности и оторвалъ отъ чтенія глаза.

Передъ нимъ стоялъ маленькій человѣкъ въ фуражкѣ съ бѣлой кокардой.

— Чи-т-аю,—неопредѣленно протянулъ Гринька и выпустилъ изъ рукъ листокъ.

— Ишь ты, паря! грамотный!—удивился человекъ съ кокардой и добавилъ:

— Чей ты будешь?

Гринька молчалъ.

— Ты что, безъ языка, что ли,—чей ты, спрашиваю я?—повторилъ незнакомецъ.

— Чей, чей—ничей! Вотъ пришелъ въ складъ, да, вишь ты, закрыто!—пугливо, съ какимъ то предубѣжденіемъ разглядывая подошедшаго мальчика въ гимназической формѣ, отвѣтилъ Гринька.

— Чудакъ ты, паря, ничей, ничей! Да развѣ возможно, чтобы ты былъ ничей!—насмѣшливо улыбнулся гимназистъ и сѣлъ на ступеньки рядомъ съ Гринькой.—Долженъ же быть у тебя отецъ или мать! эхъ ты, паря, какой безтолочь!—допрашивалъ гимназистъ.

Гринька покосился на него и подозрительно пробормоталъ:

— А тебѣ на что, чей я?

— Чудакъ! такъ просто—мало ли что! Любопытно!

— Ишь ты!—воскликнулъ Гринька и добавилъ: чей, чей!—Якова Безпятова—вотъ чей!

Гимназистъ удовлетворенно улыбнулся.

— Вотъ, давно бы такъ! А я—сынъ управляющаго, приѣхалъ изъ города на каникулы. Знаешь управляющаго, Захаръ Петровича?

Гринька обидѣлся.

— На-вотъ! Что я дуракъ! Знаешь Захаръ Петровича—всякъ его знаетъ!

Гимназистъ по-пріятельски ударилъ слегка Гриньку по плечу и весело произнесъ:

— Да ты, паря, не сердись—выходить, что знаешь... А самого-то тебя какъ зовуть?

— Гринька—вотъ какъ! Пришелъ вотъ за крупой, да, чтой-то закрыто—никакъ спать!

— Подожди, встанеть, пора ужъ!—сказаль гимназистъ и, помолчавъ немного, добавилъ:

— Стараешься, говоришь?

Гринька смѣрилъ гимназиста хмурыми глазами и протянулъ басомъ:

— Да ты никакъ ослѣпъ, видишь, я маленькій, куда мнѣ!

Человѣкъ съ кокардой смутился немного и, точно сожалѣя, что сказаль глупость, раздумчиво произнесъ:

— Встрѣчалъ я и маленькихъ... а вотъ, когда ѣхаль мимо Гончаровскаго пріиска, своими глазами видѣлъ съ тебя ростомъ, съ лоткомъ стоять около рѣчки, скребеть, старается... только лотокъ маленькій...

Гимназистъ умолкъ. Гринька тоже молчалъ, о чемъ-то раздумывая, потомъ озабоченно спросилъ:

— Маленькій, говоришь, лотокъ-то?

— Маленькій—въ два рядъ, а то въ три-рядъ! Своими глазами видѣлъ... сидить около рѣчки и моетъ... Только баляется, можетъ—не знаю...

Гринька опять задумчиво притихъ.

Гимназистъ, точно вспоминая кѣмъ-то сказанныя слова, наконецъ, наставительно какъ-то произнесъ:

— А все это, по моему, неправильно! Маленькіе должны учиться, чтобы все знать. Да и все равно—руками, много не сдѣлаешь.

— А чѣмъ же?—удивился Гринька.

— Машиной,—авторитетно заявилъ гимназистъ.

Но Гринька не зналъ, что такое машина и теперь уже равнодушно смотрѣлъ на собесѣдника.

— Ты знаешь, что такое машина?

— А почему мнѣ знать!

— Машиной можно все сдѣлать... Одна машина за тысячу человекъ можетъ отвѣтить.

— Какà-такà машина?—ради уже простого любопытства спросилъ Гринька.

— Которая паромъ работаетъ. Бываетъ и съ электрическими приводами... Такой машиной гору своротить можно!..

Гимназистъ говорилъ съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ до того поразить своего собесѣдника, чтобы у того, отъ изумленія, глаза на лобъ выскочили. Но Гринька равнодушно слушалъ, какъ философъ, который давно уже все позналъ и ничему не удивлялся. Онъ многое уже слышалъ раньше отъ курильщика, что творится тамъ, за тысячу верстъ отъ тайги, и для Гриньки одинаково было непостижимо и естественное и сверхъестественное. И онъ думалъ: „мало ли, что тамъ творится, только здѣсь-то ничего этого нѣтъ“!

Слова гимназиста Гриньку мало трогали и онъ перебилъ его:

— А ты гдѣ живешь?

— Тамъ.

— Зачѣмъ?

— Учусь.

— Читать учишься?

— Что читать? читать—пустяки, всему учусь. А потомъ буду учиться, какъ строить эти самыя машины...

— А ты Богъ, што ли?—насмѣшливо процѣдилъ сквозь зубы Гринька.

Гимназистъ иронически улыбнулся.

— Чудакъ ты, паря! Да ты никакъ думаешь, что все боги придумали!

Гринькинъ собесѣдникъ сдѣлалъ серьезное лицо, точно большой, и продолжалъ:

— Нѣтъ, братъ, что Богъ—Богъ выше.. много, что есть и отъ человѣка. Вотъ, напримѣръ, воздушный корабль... Слышалъ когда?

— А прахъ его знаетъ!

— То-то и оно!—авторитетно воскликнулъ гимназистъ.

— Наука, паря, все... Я самъ видѣлъ воздушный шаръ. Такой большой пребольшой пузырь, а внизу зыбка подвѣшена. Люди тамъ сидятъ, съ трубами и летятъ, куда вздумается. Выучиться всему можно по книжкамъ.

— А ты, стало, все книжки читаешь?—спросилъ Гринька, начиная уже интересоваться рассказами гимназиста.

— Читаю... Учусь, паря! Вотъ, когда выучусь...—гимназистъ на мгновенье закатилъ подъ лобъ глаза, что-то обдумывая, Гринька его перебилъ:

— И полетишь?

— Полечу... Когда выучусь, не трудно... Книжки, братъ, все!

Гринька недовѣрчиво смотрѣлъ на гимназиста и какъ-то неопредѣленно бормоталъ:

— Штука! и каки-таки книжки?

— Замысловатя, паря.

— А гдѣ онѣ?

— Что? Книжки-то?

Книжки,—отвѣтилъ Гринька.

— Въ магазинѣ можно купить... Вотъ у насъ на стану, въ общественной лавкѣ интересныя есть книжки.

Въ это время, звеня ключами, изъ-за угла большого дома, гдѣ жили присковые служащіе, вышелъ матеріальный и направился къ складу.

Гринька соскочилъ со ступенекъ. Гимназистъ поздоровался съ матерьяльнымъ за руку.

Гринька получилъ крупу и побѣжалъ домой. На пути была общественная лавка. Въ лавкѣ продавались товары, потребляемые, въ большинствѣ случаевъ, привилегированными прискоковыми служащими.

Гринька остановился около оконъ. Здѣсь много было любопытнаго. Одно окно исключительно занято было игрушками: были тутъ и оловянные солдатики, и барабаны, и плясуны на веревочкахъ, и забавныя куклы. Въ другомъ окнѣ торчали коробки съ конфетами и съ картинками, и въ золотыхъ и серебряныхъ капсуляхъ, съ махровыми кисточками.

Въ первомъ окнѣ среди игрушекъ было выставлено много книжекъ. Раньше это окно Гриньку привлекало забавными игрушками. Онъ, въ сущности, не могъ оцѣнить ни одной изъ этихъ вещей, потому что во всю свою жизнь ни разу не держалъ въ рукахъ купленной игрушки. Но это ему не мѣшало любоваться ими, какъ лисицѣ виноградомъ.

На этотъ разъ Гринька остановилъ свое вниманіе на книжкахъ. И занятнѣе другихъ теперь казалась ему одна изъ нихъ, съ развернутыми страницами, на которыхъ были раскрашенныя картинки.

На одной изъ развернутыхъ страницъ была изображена лодка съ закрытымъ корпусомъ, съ просвѣтами, изъ которыхъ торчали головы людей. По бокамъ лодки, ниже ее и выше плавали рыбы, маленькія и большія. Хотя и не было ничего написано подъ картинкой, но Гринька смекнулъ, что лодка плавала подъ водой. На другой картинкѣ была нарисована башня среди моря. На самой верхушкѣ ея стоялъ человекъ и смотрѣлъ въ трубу.

— Та самая... по ней, должно, учатся и летать, и пла-

вать въ водѣ и всякому...—думалъ Гринька и долго еще стоялъ передъ окномъ. А когда, наконецъ, сдвинулся съ мѣста, глубокомысленно произнесъ:

— И штука, паря!

IV.

На другой день послѣ встрѣчи съ гимназистомъ, когда Яковъ Безпатовъ уходилъ на работу, Гринька съ завистью смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Эхъ! кабы работать, да намытъ-ба золота!—мечталъ онъ и передъ его глазами какъ-то неожиданно мелькнули страницы съ раскрашенными картинками.

— Купить-ба!—прошепталъ онъ: и штой-то за штука?

— Ма!—окликнулъ онъ мать, которая возилась около печки, стуча горшками.

— Ма!—плаксиво повторилъ Гринька.

— Что тебѣ?—отозвалась мать, болѣзненно разгибая спину.

— Почто тятка не возьметъ меня стараться?.. я могу... Ей Богу, могу! Ма! Мнѣ-ба лотокъ по силѣ!—капризно отвѣтилъ Гринька.

— Куды тебѣ! Клопу такому! Подрости, будя время.

— Я чичасъ хочу... ма, слышь? Чичасъ! Скажи тяткѣ, штобы лотокъ выдолбилъ... Слышь, matka!—капризно настаивалъ Гринька.

Мать сердито заворчала:

— Некогда мнѣ съ тобой тутъ!.. Отвяжись, Христа ради! Поди лучше посмотри, гдѣ Мотря съ Пронькой?

Гринька насупился и вышелъ изъ избы.

Сестренка съ братишкой ползали по неизмѣнному галич-

ному отвалу, недалеко отъ избы, и отыскивали въ немъ рябенькіе камешки.

Подойдя къ нимъ, Гринька пробормоталъ:

— Клопы этакіе! Подождите, вотъ матка вамъ наелозить спину!—и, не останавливаясь, спустился съ горки и направился къ китайскимъ фанзамъ.

Мотря съ Пронькой не обратили никакого вниманія на остраску брата и, не разгибаясь, продолжали рыться въ камняхъ.

Среди китайцевъ былъ одинъ, по имени Ван-хан-синь, съ которымъ Гринька былъ въ дружбѣ.

Ван-хан-синь былъ плохой работникъ, часто болѣлъ и чаще другихъ оставался въ фанзѣ готовить обѣдъ.

Китайцы, скитаясь по тайгѣ, страдаютъ цынгой отъ скверной пищи и отъ постояннаго промоканія. И Ван-хан-синь сильнѣе другихъ маялся отъ этой изнурительной болѣзни, голода и холода.

Гринька иногда приносилъ своему желтолицому пріятелю пырей (дикій лукъ). Онъ, въ большомъ количествѣ, росъ въ одной изъ ближайшихъ падей, куда Гринька бѣгалъ охотиться за сусликами. Но звѣрки никогда не давались ему въ руки. И онъ, чтобы не возвращаться домой празднымъ, набиралъ цѣлую охапку пырея. Для дома всего было много и, проходя мимо фанзы, Гринька половину оставлялъ Ван-хан-сину. Этимъ лукомъ китаецъ приправлялъ пищу. Лукъ служилъ ему лекарственнымъ средствомъ.

Китаецъ рубилъ дрова, когда къ нему подошелъ Гринька.

— Тебѣ не ходи на работу сегодня?—спросилъ гость.

— Хворай-ла... бухоо (плохо),—отвѣтилъ печально Ван-хан-синь и бессильно бросилъ на землю топоръ.

Гринька критически осмотрѣлъ китайца и переспросилъ:

— Бухоо?

— Бу-шанго (совсѣмъ плохо),— безнадежно махнувъ рукой, отвѣтилъ тотъ.

— Можетъ, тебѣ пырей-ла?

Китаецъ глазами указаль на уголь фанзы, гдѣ лежала цѣлая охалка дикаго луку.

Гринька задумался, помычаль что-то неопредѣленно и произнесъ про себя:

— Болѣсть, чтобъ ее язвило!

— Совсѣмъ пропади-ла...---простоналъ китаецъ, садясь на корточки и желтыми костлявыми руками набивая табакомъ ганзу (трубку съ длиннымъ и тонкимъ мунштукомъ).

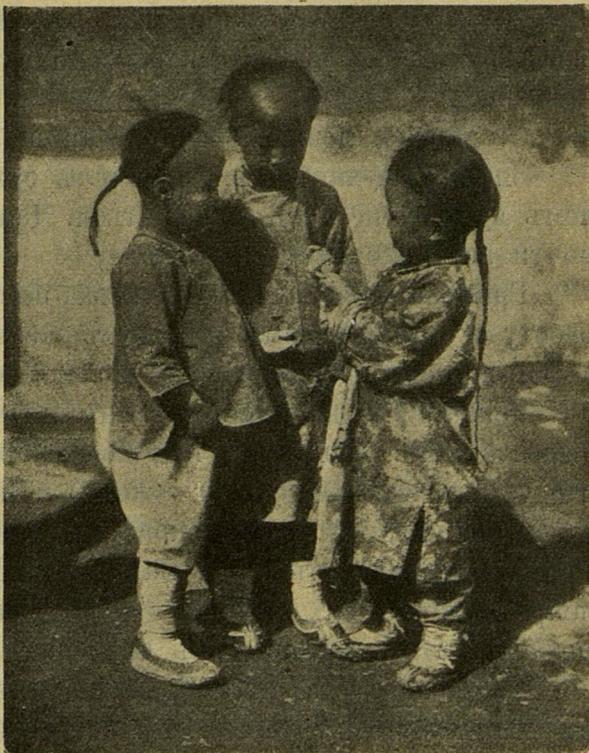
— Кушая-ла плохо?—озабоченно спросилъ Гринька.

— Бухоо!—отвѣтилъ китаецъ, выпуская изо рта сѣрый горькій дымъ и, отчаянно сплюнувъ, выругался по-китайски.

Минуты двѣ оба молчали, потомъ Гринька заговорилъ:

— Моя хочешь работай-ла.. тятка ругай-ла.

Онъ мечтательно расширилъ глаза и продолжалъ:

Китайскія дѣти.

— Кабы лотокъ маленькій! Вотъ хоть бы такой!

Гринька руками показалъ желательную величину лотка и потрясъ ладонями.

— Мой, мой, золото мой-ла моя хочешь...—пояснилъ онъ. Китаецъ улыбнулся.

— Тебѣ совѣмъ парнишка (что означало маленькій),— сказалъ китаецъ, но тутъ же спохватился и поощрительно произнесъ:

— Можно, можно... золото май-ла, можно, шанго...

Здѣсь Ван-хан-синъ закашлялъ сухимъ скрипучимъ кашлемъ и долго не могъ успокоиться. Дальше пріятели говорили почти все на одну и ту же тему.

Гринька жаловался, что тятка не беретъ его съ собой на работу и что онъ самъ чувствуетъ себя въ силѣ мыть золото, а Ван-хан-синъ грустилъ все, что онъ совѣмъ „пропадай-ла“.

Когда Гринька покинулъ китайца, ему почему-то грустно было за него. Онъ зналъ изъ рассказовъ самого Ван-хан-сина, что у него есть „бабушка“ (жена) и парнишка, тамъ гдѣ-то въ китайщинѣ, и тоже такой, что не можетъ работать. И Гринька думалъ, что если Ван-хан-синъ помретъ, а помретъ непременно, то и „бабушка“ его и парнишка будутъ тоже, можетъ быть, плакать, какъ настоящіе русскіе.

Къ вечеру этого дня Гринька опять побѣжалъ на станъ въ матерьяльный складъ. Идя по косогору, онъ подъ горой, гдѣ стояли китайскія фанзы, услышалъ глухой стонъ. Гринька умѣрилъ шаги и насторожился. Стонъ продолжался.

„Ван-хан-синъ помираетъ“,—промелькнуло у него въ головѣ.

Дорога на станъ лежала почти около самой фанзы, немного ниже, подъ самымъ косогоромъ.

Дойдя до этого мѣста, онъ свернулъ подъ косогоръ.

Ван-хан-синъ сидѣлъ на землѣ, прислонившись къ фанзѣ спиной, и обѣими руками сжималъ животъ.

— Худо?—спросилъ Гринька, не подходя къ больному вплотную.

— Бухоо! Совсѣмъ пропадай-ла,—простоналъ китаецъ.

Гринька растерянно посмотрѣлъ на него, не рѣшаясь приблизиться и не думая отступить.

Ван-хан-синъ съ большимъ усиліемъ поднялъ руку, показалъ ею на свой ротъ, прижалъ ладонь къ груди, потомъ махнулъ по направленію къ стану и опять болѣзненно застоналъ.

— Наёнъ *) говори... моя масло кушея-ла хочешь...

И Ван-хан-синъ опять замахалъ обѣими руками по направленію къ стану.

Гринька смекнулъ.

— Ладно! Я туда бѣгу. Скажу, може хвершулъ придетъ...—сказалъ онъ и побѣжалъ къ стану.

Гринька зналъ, гдѣ больница, но боялся туда идти, опасаясь, какъ бы не попало ему отъ фельдшера не за свое дѣло. И онъ рѣшилъ не лично дѣйствовать, а сообщить объ этомъ матерьяльному, такъ какъ съ нимъ былъ знакомѣе, чѣмъ съ другимъ начальствомъ.

Но, подходя къ складу, онъ увидѣлъ около помѣщенія служащихъ вчерашняго гимназиста и несмѣло окликнулъ его.

— Паря, а паря, слышь-ка!

Гимназистъ оглянулся и весело воскликнулъ:

— А! Гринька! Здорово, паря! Что тебѣ?

— Китаецъ, Ван-хан-синъ, помираеть, тамъ, около насъ,

---

*) Китайцы всѣхъ пріисковыхъ служащихъ называютъ наёнами (начальникъ)

совсѣмъ плохо! Брюхомъ мается, скажи хвержалу, чтобы по-
могъ!

— Надо въ больницу, пойдемъ вмѣстѣ!—энергично пово-
рачиваясь въ ту сторону, гдѣ была больница, предложилъ
гимназистъ.

Гринька отрицательно замоталъ головой.

— Нѣтъ, не пойду, ну его! Иди ты одинъ! Тебѣ знако-
мѣй. Скажи, молъ, совсѣмъ плохо. Я пожду тутъ... Вотъ только
въ складѣ возьму хлѣба.

Гимназистъ согласился.

Въ сопровожденіи Гриньки, фельдшеръ и гимназистъ при-
шли къ больному.

Китаецъ, какъ и прежде, сжавшись всѣмъ тѣломъ, сидѣлъ
около фанзы. Когда онъ увидѣлъ Гриньку, сопровождавшаго
фельдшера и гимназиста, его лицо, коричневое отъ болѣзни,
сморщилось въ страдальческую улыбку. Въ тусклыхъ щели-
стыхъ глазахъ съ желтыми бѣлками замерцало что-то похо-
жее на нѣмую благодарность. Онъ всталъ на ноги и, приста-
вивъ руки къ землѣ, поклонился.

— Что болитъ?—спросилъ фельдшеръ.

Китаецъ ткнулъ обѣими руками въ животъ и простоналъ:

— Болитъ... совсѣмъ пропади-ла.

Фельдшеръ вынулъ изъ кармана большой флаконъ съ ка-
сторкой и попросилъ чашку.

Ван-хан-синъ заковылялъ въ фанзу и вернулся съ фаян-
совой плошкой.

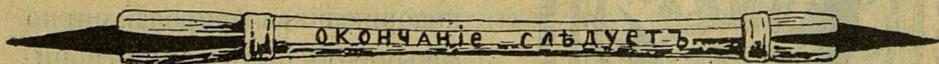
Гринька стоялъ въ сторонѣ и, закусивъ нижнюю губу,
молча и вдумчиво, наблюдалъ.

Гимназистъ взялъ отъ больного чашку и фельдшеръ, от-
купоривъ флаконъ, вылилъ въ нее все, что было въ пу-
зыркѣ.

Ван-хан-синъ осторожно взялъ лекарство, сравнившееся съ краями плошки, и поднесъ къ губамъ. Допивъ до половины, онъ остановился, чтобы передохнуть и, облизывая губы, произнесъ:

— Пасибо, наёнъ! шанго, шибко шанго...—и онъ снова прилипъ губами къ фаянсовой плошкѣ.

Фельдшеръ хитро улыбался. Гимназистъ морщился. Гринька сталъ еще вдумчивѣй и серьезнѣй.

Какъ человѣкъ побѣдилъ темноту.

БЛО солнце, ночь прошептала своей темнотой: — Спите! — и всѣ животныя и птицы, покоряющіяся природѣ, мирно засыпаютъ подъ шепотъ ночи, одно только живое существо не спитъ: это человѣкъ. Онъ тоже живетъ среди природы, но онъ ей не покоряется, онъ

вѣчно борется съ нею, хочетъ покорить ее себѣ.

— Если я буду ложиться спать, какъ только сядетъ солнце,—думаетъ человѣкъ,—я проспю большую часть своей, и безъ того слишкомъ короткой, жизни. А зимою, когда солнце почти и не свѣтитъ на сѣверѣ? Я превращусь въ настоящего сурка! Нѣтъ, и ночью можно слышать, узнавать и чувствовать много интереснаго и важнаго, надо только получить возможность видѣть во мракѣ, побѣдить ночную темноту и тогда я прибавлю цѣлые годы времени къ своей короткой жизни.

Луна, звѣзды, сѣверное сіяніе и молніи разгоняютъ темноту, но, съ ихъ помощью, все-таки нельзя свободно двигаться и работать, и вотъ, начинается исканіе болѣе прочнаго и болѣе зависящаго отъ человѣка освѣщенія, начинается исторія лампы.

Начнемъ мы эту исторію съ описанія очень странной, хотя и интересной лампы. Въ Америкѣ и Азіи водятся летающіе свѣтляки, называемые Пирофорами или Кукуйо. Они употреблялись въ прежнія времена и до сихъ поръ употребляются вмѣсто свѣтильника. Видомъ своимъ они похожи на обыкновенныхъ шелконовъ (рис. 1). Около заднихъ угловъ грудного щитка у нихъ находятся два пузырька воскового желтаго цвѣта. Эти вздутія, а также мѣсто на границѣ груди и брюшка, могутъ, въ зависимости отъ воли насѣкомаго, ярко свѣтиться въ темнотѣ. Пирофоры очень любятъ свѣтъ, и поэтому ихъ ловятъ, размахивая горящимъ углемъ. Потомъ ихъ сажаютъ въ ящичекъ съ множествомъ отверстій или въ проволочную клѣтку, привѣшиваютъ этотъ ящичекъ или клѣтку къ потолку, какъ лампу. Употребляютъ Кукуйо также для украшенія женскаго костюма. Для этого ихъ сажаютъ въ мѣшечки изъ прозрачнаго тюля,

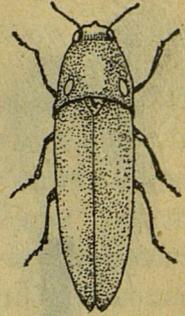

Рис. 1. Пирофора или Кукуйо.

составляя изъ нихъ ожерелья и головные уборы для вечернихъ собраний. Кормятъ ихъ сахарнымъ тростникомъ и два раза въ день купаютъ въ тепловатой водѣ. При такихъ условіяхъ они остаются здоровыми и хорошо свѣтятъ (рис. 2).

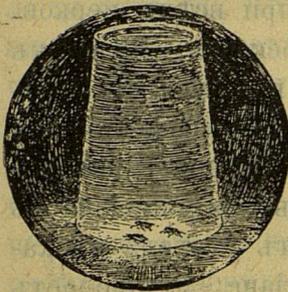

Рис. 2. Пирофоры подъ стаканомъ.

Свѣтъ Пирофоры настолько силенъ, что при немъ можно снять съ нея фотографію. Во время одной войны Кукуйо служили сигнальными знаками. Мѣстами ихъ употребляютъ для удаленія москитовъ, которые очень боятся Пирофоръ.

Несмотря на все это, свѣтящихся шелконовъ нельзя счи-

татъ первымъ свѣтильникомъ человѣка. Борьба человѣка съ темнотою началась зажженнымъ факеломъ. Загорѣвшійся древесный сукъ былъ первымъ свѣтильникомъ на землѣ (рис. 3). Потомъ факель стали усовершенствовать, связывая вмѣстѣ и

Рис. 3. Факель.

зажигая расщепленные куски промасленного или просмоленного дерева. Такимъ образомъ, факель весь состоялъ изъ одной свѣтильни. Потомъ стали дѣлать такъ: длинный кусокъ воска или какого-нибудь маслянистаго вещества обвертывали стружками. Это уже было похоже на свѣчу, только стружки, замѣнявшія свѣтильню, были снаружи, а питающее ихъ вещество внутри. Со временемъ открыли, что лучше было дѣлать наоборотъ: горючее вещество помѣщать снаружи, а свѣтильню внутрь. Начали тогда дѣлать свѣчи. Первые свѣчи появились во времена первыхъ гоненій на христіанъ и съ этого времени римляне употребляли ихъ при всѣхъ церковныхъ церемоніяхъ. Первая свѣча была восковая. Человѣкъ взялъ у пчелы воскъ, этотъ чистый даръ природы, и принесъ его въ даръ Богу. У поэта Майкова есть трагедія „Два міра“. Въ ней представленъ міръ языческой и, вновь появившійся и дающій людямъ новый свѣтъ, міръ христіанскій. Въ одной сценѣ слѣпая дѣвочка Дидима сидитъ у входа въ катакомбы, куда тайкомъ собираются христіане, и продаетъ свѣтильники и свѣчи:

— Свѣчкой, свѣчкой

Зрячій отъ слѣпенькой

Въ путь запасись!

Потомъ она говоритъ сама съ собою:

— Мнѣ онъ не надобенъ
Свѣточъ земной!
Все озаряетъ мнѣ
Свѣта небеснаго
Искорка малая
Въ сердцѣ моемъ...

Первая свѣча, свѣточъ земной, появилась на землѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтомъ который безъ огня озарялъ сердца людей и сердце маленькой слѣпой Дидимы. Тогда свѣчи восковыя были очень дороги и употреблялись только при богослуженіи и въ домахъ богачей. Иногда эти свѣчи употреблялись для опредѣленія времени: точно опредѣляли во сколько времени можетъ сгорѣть свѣча извѣстной длины и толщины и, зажигая такую свѣчу, знали, что, когда она сгоритъ, пройдетъ извѣстный срокъ времени.

Раньше появленія свѣчи, почти одновременно съ факеломъ, стали употреблять и другіе свѣтильники. Какъ только люди открыли, что растопленный жиръ животныхъ можетъ хорошо горѣть, они придумали сдѣлать въ грубомъ видѣ лампу, отъ которой произошли и теперешнія наши лампы. Углубленіе раковины, камня, или черепа не очень большого животнаго наполнялось растопленнымъ жиромъ или масломъ и въ него опускался фитиль изъ льна или какого-нибудь другого волокнистаго вещества. Конецъ фитиля клали надъ жидкостью, на край сосуда (рис. 4). Этотъ конецъ зажигали и фитиль, пропитываясь масломъ, горѣлъ до тѣхъ поръ, пока не сгоралъ весь самъ и не сгорало масло. Это была первая лампа. Со временемъ раковину, камень и черепъ жи-

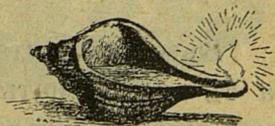

Рис. 4. Раковина какъ свѣтильникъ.

вотнаго стали замѣнять глинянымъ сосудомъ, въ видѣ соу-ника или чашей. На краю чаши былъ сдѣланъ желобокъ, державшій фитиль. Въ лампахъ древнихъ грековъ и римлянъ сосудъ, заключавшій въ себѣ масло, дѣлался закрытымъ, а въ серединѣ его оставлялось отверстіе для вливанія масла (рис 5). Иногда у этихъ лампъ бывало нѣсколько желобковъ или носиковъ. Конечно, чѣмъ больше было фитилей въ лампѣ, тѣмъ больше она давала свѣта.

Рис. 5. Древній свѣтильникъ.

Въ одномъ итальянскомъ музеѣ находится древняя лампа съ шестнадцатью носиками. Этотъ интересный свѣтильникъ употреблялся въ одномъ языческомъ храмѣ въ Этруріи болѣе двухъ тысячъ пятисотъ лѣтъ тому назадъ (рис. 6). Только что описанныя лампы служили образованнымъ народамъ древности, продолжали существовать въ средніе вѣка и употреблялись до недавняго, сравнительно, времени. Иногда онѣ были очень дорогія и красивыя, но никогда не давали хорошаго свѣта, портили воздухъ, испуская тяжелый непріятный запахъ и такъ дымили и коптили, что покрывали сажей потолки, стѣны и всю домашнюю утварь.

Несмотря, однако, на всѣ эти неудобства, люди продол-

жали употреблять старыя лампы и очень долго не могли придумать ничего лучшаго.

Наконецъ, уже въ самомъ концѣ восемнадцатаго столѣтія, лампу передѣляли и усовершенствовали. Одинъ швейцарецъ, по имени Аргандъ, жившій въ Англіи, придумалъ въ 1783 году лампу совсѣмъ новаго устройства. Эта новая лампа была гораздо лучше всѣхъ прежнихъ.

Аргандову горѣлку мы всѣ знаемъ подъ названіемъ „круглой горѣлки“. Въ горѣлкѣ этой фитиль всегда *плоскій*. Воздухъ свободно окружаетъ этотъ плоскій фитиль и онъ сгораетъ весь, безъ остатка, бѣлымъ пламенемъ, не дымя, тогда какъ прежде только кончикъ фитиля подвергался дѣйствию воздуха, а весь фитиль лежалъ въ маслѣ и, сгорая, дымилъ. Дымъ, это просто не вполне перегорѣвшія частицы (сажа) горючаго вещества. Послѣ изобрѣтенія Арганда, усовершенствованіе лампы пошло впередъ гигантскими шагами. Въ двадцать лѣтъ послѣ Арганда было сдѣлано больше, чѣмъ въ двадцать столѣтій до него. Выдумывались новыя горѣлки, изобрѣтались лучшіе матерьялы, но все это дѣлалось по образцу, данному Аргандомъ.

Вскорѣ послѣ него одинъ шотландскій изобрѣтатель,

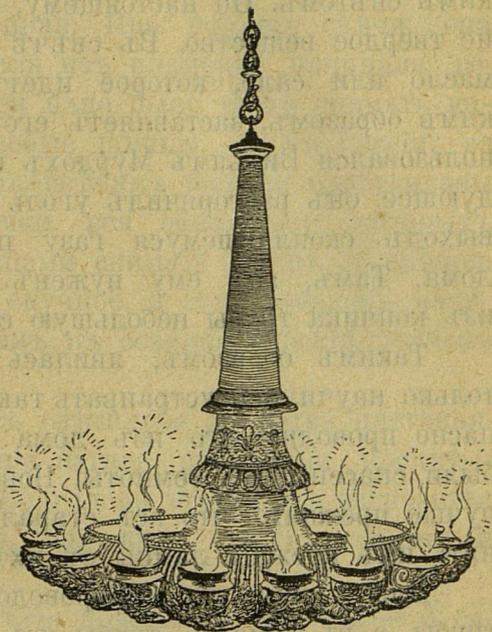

Рис. 6. Древній Этрусскій свѣтильникъ съ шестнадцатью фитилями.

Вильямъ Мурдохъ, научилъ людей по новому освѣщать дома и улицы.

Уже давно было извѣстно, что жиръ и уголь, сгорая, испускаютъ особаго рода паръ или газъ, который горитъ яркимъ свѣтомъ. По настоящему, всегда горитъ только газъ, а не твердое вещество. Въ свѣчѣ или лампѣ пламя нагрѣваетъ масло или сало, которое идетъ къ нему по фитилю и, такимъ образомъ, заставляетъ его испускать газъ. Этимъ воспользовался Вильямъ Мурдохъ и въ 1797 году устроилъ слѣдующее: онъ разгорячилъ уголь въ обширномъ сосудѣ и далъ выхоть скоплавшемуся газу по трубамъ въ разныя части дома. Тамъ, гдѣ ему нужень былъ свѣтъ, онъ выпускалъ изъ кончика трубы небольшую струю газа и зажигалъ его.

Такимъ образомъ, явилась лампа безъ фитиля. Какъ только научились устраивать такое освѣщеніе дешевле и безопасно проводить его изъ дома въ домъ, такъ цѣлые города были спасены отъ темноты. Новое освѣщеніе было настолько лучше прежняго, что все старались, по возможности, замѣнить имъ прежнія лампы съ ихъ горѣлками и фитилями.

Для уличныхъ газопроводовъ употребляются чугуныя трубы, а въ домахъ—трубы изъ ковannaго желѣза. Газопроводъ долженъ быть непроницаемъ и дѣлать его надо очень старательно, потому что изъ попорченныхъ трубъ или неплотнаго газопровода газъ легко попадаетъ въ дома. Дома своей теплой атмосферой притягиваютъ подпочвенный воздухъ вмѣстѣ съ газомъ и, такимъ образомъ, могутъ отравляться газомъ цѣлыя семьи. Кромѣ того, воздухъ, содержащій въ себѣ извѣстное количество газа, при приближеніи огня, можетъ дать сильный взрывъ.

Вслѣдъ за изобрѣтеніемъ газоваго освѣщенія было улучшено приготовленіе свѣчей, благодаря работамъ знаменитаго

французскаго химика Шевреля. Въ 1825 году онъ изобрѣлъ стеаринъ и сталъ дѣлать стеариновыя свѣчи.

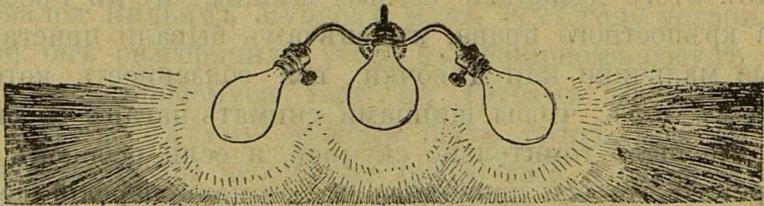
Эти свѣчи были гораздо удобнѣе салныхъ. Для салныхъ свѣчъ употреблялась толстая свѣтильня изъ толстыхъ нитокъ, только слегка скрученная. При горѣннн свѣчи, она не успѣвала сгорать, выступала изъ пламени, начинала горѣть тускло и коптить. Съ нея надо было часто снимать нагаръ. Для этого дѣлались особые щипцы, и въ Россіи, во времена крѣпостного права, къ свѣчамъ бывали приставлены дворовые мальчики или дѣвочки, вся обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы щипцами снимать нагаръ со свѣчей. Занятіе это было томительно скучное, а если ребенокъ начиналъ дремать, то его приводилъ въ сознаніе барскій щелчокъ или подзатыльникъ.

Въ стеариновыхъ свѣчахъ свѣтильня дѣлается плетеная чтобы предупредить образованіе нагара, свѣтильня пропитывается особыми растворами. Благодаря этому, она изгибается при горѣннн, выступаетъ въ наружную часть пламени и здѣсь сгораетъ.

Къ концу прошлаго столѣтія появилось еще новое и самое яркое и сильное освѣщеніе. Это былъ свѣтъ электричества. Его изобрѣлъ въ Россіи Яблочковъ и онъ, подъ названіемъ „свѣчи Яблочкова“ употреблялся для освѣщенія площадей, улицъ и театровъ, но онъ былъ слишкомъ ярокъ и въ домахъ его употреблять было нельзя. Вскорѣ былъ изобрѣтенъ способъ освѣщать электричествомъ какія угодно помещенія и теперь лампочки накаливанія знаменитаго изобрѣтателя Эдиссона можно видѣть повсюду. Удивительные успѣхи дѣлаетъ наука, и человекъ можетъ гордиться своей побѣдой надъ физической темнотой. Сначала дымный факель, а у насъ, въ Россіи, еще сравнительно недавно, лучина освѣ-

шала не-ровнымъ унылымъ свѣтомъ жизнь темныхъ дикихъ людей, а теперь, стоитъ нажать пуговку или повернуть ручку и цѣлый домъ наполняется свѣтомъ, не дающимъ ни малѣйшаго дыма или копоти и яркимъ, какъ свѣтъ небеснаго солнца.

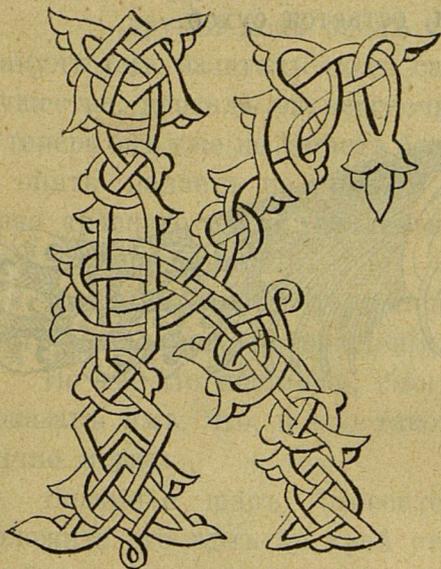
Д. Кореневъ.

Для зимнихъ вечеровъ.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

Какъ выйти сухимъ изъ воды.

АЖЕТСЯ это довольно мудрено: стоитъ опустить въ воду палецъ и онъ сразу сдѣлается мокрымъ, а между тѣмъ, умѣючи, можно засунуть въ воду цѣлую руку и вытащить ее совершенно сухой.

Приготовьте чашку съ водой, опустите туда монету или кольцо и объявите желающимъ посмотрѣть фокусъ,

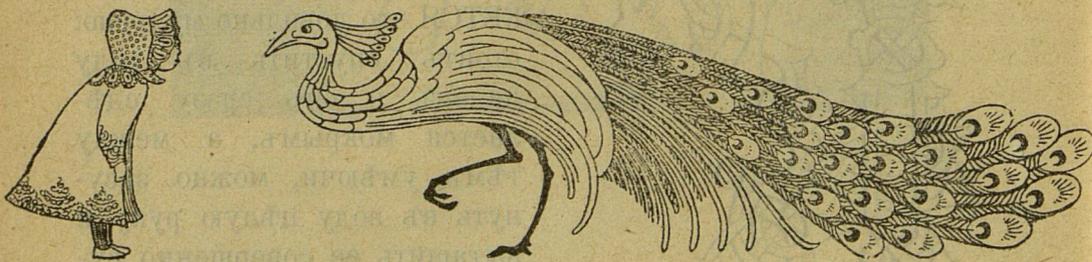
что вы вытащите изъ воды опущенный предметъ, не замочивъ руки.

Для того, чтобы это удалось, надо посыпать воду какимъ-нибудь порошкомъ, не растворяющимся въ водѣ, плауномъ напримѣръ. Порошокъ плауна можно достать въ любой аптекѣ и стоитъ онъ дешево. Посыпьте имъ слегка воду въ тазу и, затѣмъ, уже смѣло опускайте руку до самаго дна. Рука, когда вы ее вынете, будетъ совершенно сухая.

Объясняется это очень просто. Порошокъ плауна при-

крыль вашу руку, точно перчатка, а такъ какъ вода не имѣетъ ровно никакого дѣйствія на плаунъ, то и рука осталась сухой.

Вотъ почему гуси и утки тоже выходятъ сухими изъ воды. Ихъ перья не мокнуть, потому что смазаны жиромъ, приготовляемымъ особыми желѣзками у этихъ птицъ. Вода ничего не можетъ подѣлать съ жиромъ, какъ и съ плауномъ и поверхность, защищенная ими, остается сухой.

Воздушный шаръ вмѣсто собачки.

КАКЪ грустно бываетъ видѣть воздушный шаръ на другой день послѣ того, какъ его купили. Еще наканунѣ онъ взлеталъ подъ самый потолокъ и, какъ живое существо, дергалъ за веревочку руку того, кто его держалъ, а теперь онъ уже не летаетъ больше, развѣ чуть чуть поднимется и опять падаетъ на полъ. И видъ у него такой жалкій: изъ ярко краснаго онъ сдѣлался какимъ то бурымъ, дряблымъ, весь въ морщинахъ.

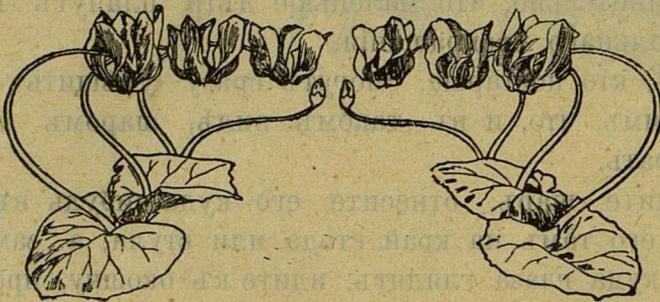
Неудивительно, что маленькіе дѣти плачутъ при видѣ этого печальнаго превращенія.

Но тѣ, кто постарше, смогутъ сразу утѣшить малышей, показавъ имъ, что, и въ такомъ видѣ, шаромъ можно отлично играть.

Возьмите шаръ, отнесите его куда-нибудь въ уголокъ, положите его тамъ на край стола или стула, а сами отправляйтесь, куда глаза глядятъ: идите къ окошку, пройдите въ другую комнату, выйдите въ корридоръ, изъ корридора опять въ комнату и т. д. И куда бы вы ни пошли, всюду за вами будетъ слѣдовать и шаръ. Какъ только вы отошли отъ мѣста, куда его положили, онъ тотчасъ же скатился на полъ и бросился за вами. Остановились вы—и онъ остановится, пойдете опять—и онъ за вами. Разстояніе, раздѣляющее его отъ васъ, всегда остается одинаковымъ и, потому, если вы идете тише, то и шаръ двигается медленнѣе и наоборотъ. Ну, а если вы пуститесь бѣгомъ, онъ просто полетитъ за вами.

Однимъ словомъ, шаръ, точно вѣрная собака, слѣдуетъ всюду за своимъ хозяиномъ.

Это движеніе шара объясняется передвиженіемъ воздуха, которое вызываетъ ходящій человѣкъ. Какъ только человѣкъ тронулся съ мѣста, за нимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, образуется пустота, которая немедленно же заполняется воздухомъ. Воздухъ, заполняя пустое пространство, движется и это движеніе отражается на такомъ легкомъ предметѣ, какъ воздушный шаръ. И шаръ будетъ идти тѣмъ быстрее, чѣмъ больше воздуха понадобилось для заполнения пустоты, такъ что дамы въ широкихъ платьяхъ для этого опыта удобнѣе мужчинъ.

Рѣшеніе ребуса № 1.

Не стой на мѣстѣ; не бойся упасть; упавъ, немедленно вставай и съ легкостью ты взберешься на вершины.

Рѣшеніе Якутскихъ загадокъ.

1. Волны и теченіе воды на рѣкѣ послѣ весенняго ледохода.
  2. Брови.
  3. Дымъ изъ трубы.
  4. Печка.
  5. Стрѣла и лукъ.
  6. Кошеніе травы.
  7. Лодка.
-

Пословицы Алтайскихъ татаръ.

1. Чѣмъ злomu человѣку въ руки давать, лучше доб-
рому на дорогу бросить.
2. Безъ матери—дочь шалуныя, безъ отца—сынъ свое-
воленъ.
3. Злая собака хватаетъ за подоль только, злой чело-
вѣкъ—за воротникъ.
4. У безроднаго нѣтъ коня, у безбожника нѣтъ ума.
5. Добрый человѣкъ—зла, а худой добра не помнятъ.
6. Мягкое дерево червь точить, смирнаго человѣка—
грубое слово.
7. Радость въ годъ не придетъ, а горестъ на каждомъ
шагу изъ-подъ ноги выскочить.
8. Молодая птица и летаетъ, да гдѣ ночевать не знаетъ.
9. Негоднаго оружія не точи, непослушнаго человѣка
не учи.
10. Рана отъ дерева заживаетъ, отъ злого языка—ни-
когда.

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желашіе получить рукопись обратно должны присылать почтовыя марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ

Открыта подписка на 1908 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

III-й г.
издан.

ТРОПИНКА

III-й г.
издан.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, разсказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарды и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Аллего, К. Вальмонтъ, А. Вахтiаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Андрей Бѣлый, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Васильевскій, З. Венгерова, пр.-доц. А. Генкель, И. Гинцбургъ, З. Гишусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, проф. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, Д. Мережковский, В. Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Навсѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Гр. Петровъ, Э. Пименова, Д. Потѣхинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Э. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Билибинъ, Т. Гишусъ, С. Городецкій, В. Замирайло, Е. Кавось-Зарудная, Е. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Н. Манасеина.*